О том, чем жили в старину

Прокопович (Гольцева)
Галина Юрьевна,
заведующий краеведческим сектором
МБУК "Корочанская ЦБС
имени Н.С. Соханской (Кохановской)"

Испокон веков русский мужик кормился с земли, обустраивал быт скарбом собственного производства. Со временем были освоены все природные материалы, постепенно разработаны технологии обработки, позднее – усовершенствованы способы производства, развиты промыслы.

Корочанская земля богата и природными ресурсами, и наземными щедротами. В древности жили в этих местах и угро-финны, и скифы, знавшие кузнечное и гончарное дело, владевшие литьём, сукно валянием и, в дальнейшем, наши предки превратили промыслы в производства.

На территории Корочанского уезда отмечались 21 вид промыслов. Промыслы делились на три категории: изделия из глины (посуда, игрушки, и др.); производства из кожи и шерсти (шубное, портняжное, кожевенное, сапожное, овчинное, войлочное); деревянные изделия (дуги, сбруи, предметы мебели и др.).

Каждое село уезда специализировалось на определённом изделии. Так 392 двора в селе Заячье занимались колёсами. В Ломово изготовляли сани, повозки, телеги. Торговали в Короче, Белгороде, Волчанске, Харькове.

В селе Коренёк (ныне Алексеевка), например, изготовлялось в год до 50 веялок. В середине XIX века здесь стало успешно развиваться и кожевенное производство, которое, в связи с развитием фабричной промышленности, стало приходить в упадок. В старину здесь насчитывалось до 30 кожевенных мини-заводов. Рынками сбыта кож, помимо Белгорода, Волчанска и Харькова, была Велико-Михайловка Новооскольского уезда. Пятьдесят семей в Кореньке шили обувь. Свои изделия кустари сбывали как

дома, так и на соседних базарах и ярмарках. Ещё сапожным промыслом занимались жители слободы Зимовенька.

Процветали в Корочанском уезде шубный и портняжный промыслы. В Кореньке насчитывалось до 25 шубников – специалистов по пошиву шуб. Они работали как для скупщиков, отправляющих затем шубы в южные губернии, так и для местных покупателей из Корочанского, Белгородского и Волчанского уездов. Работа производилась преимущественно своей семьей, но иногда приглашались наемные мастера из Холани Новооскольского уезда (ныне Корочанского района). Одна семья могла заготовить и выделать 250–300 шкурок в год, а годовое производство выделки овчинок составляло около 40000 штук в год.

Вообще шубный промысел состоял из нескольких этапов: красильники выделывали овчины; белильщики овчины белили, отдельщики окончательно отделывали овчины; шубники–портные шили шубы. Таким образом, выделка овчины длилась более 2-х недель, когда в крупных центрах (Шуя, Одесса и др.) уже были устроены паровые красильни, в которых овчина выделывалась в 24 часа.

Итак, для того, чтобы выделать овчину, ее мочили в воде сутки, затем тупыми косами отбивали приставшие к ней грязь, кровь и мясо. К тесту из ржаной муки добавляли соль, и этим тестом намазывали «лицо» овчины, раскладывали их в чаны по сто штук и более. После перекладывали в другую кадку, чтобы овчины не согрелись, и так – 3 раза. В чанах они лежали от 8 до 12 дней. Затем шкурки высушивали: зимой – на шестах в том же помещении, а летом – на воздухе вблизи хаты. За свою работу красильники получали от хозяина шкур от 4 до 6 рублей за сотню (в зависимости от величины овчины и по сезону), причем дрова для топки и мука входили в расходы самих красильников. В среднем из каждой хаты ежедневно выходило около 100 овчин.

Для того, чтобы подвергнуть дальнейшей выработке, овчину передавали следующему мастеру – белильщику, который мазал овчину белой

глиной, растворенной в воде – с целью вытянуть из шкурки весь жир. Затем шкуру сушили, разминали железным крюком, скребли скафами (инструмент, сделанный из обрезка косы). Над процессом побелки трудилась вся семья белильщика. Платили за побелку приблизительно столько же, сколько за выделку — 4–6 рублей от сотни.

Чернил шубу тот, кто ее шил. Для чернения употребляли сухой кампешевый экстракт (одно из наиболее распространенных красильных деревьев) и хромпик (неорганическое соединение, имеет вид оранжевых кристаллов). Для чернения овчину первоначально замачивали в экстракте вместе с шерстью на сутки. Для того, чтобы шуба не слишком пачкалась, овчину надо было хорошенько вымыть. На мытье сырой овчины и после чернения нужно было не менее 10 ведер воды на каждую: необходимо воды 20000 ведер в день (в общем объеме производили примерно 2000 штук). Сушить черненую овчину шубник отдавал в красильную хату. После черненая овчина поступала в руки особого мастера — отдельщика, который брызгал овчину на ночь водой, разминал ее тупым железным крюком, скреб скафой и, наконец, смазывал ее каким-либо минеральным маслом или рыбным жиром. Портные встречались во всех волостях Корочанского уезда. Их общее число достигало 200 человек, а наибольшее количество – в Яблоновской, Пригородней и Зимовенской волостях.

По материалам исследования кустарной промышленности в Курской губернии 1904 года шубным промыслом было занято 482 двора в слободе Холань Новооскольского уезда (ныне Корочанский округ): еще до крепостного права здесь шили теплую крестьянскую одежду из выделанной на месте овчины. Вообще вся овчина закупалась на юге невыделанная, белая: её всю необходимо было зачернить, будь она белая или черная (шубы делались только черные, белые дубленые полушубки шили уже позже). Осенью 1903 года в Холани овчины красили в 22-х хатах, сдавали по цене от 50 до 70 рублей. Но красильщики были пришлые люди из Старооскольского или Корочанского уездов: уроженцы Холани, малороссы не брались за такую

грязную, вредную для здоровья и плохо оплачиваемую работу. Люди приезжали по 3–4 человека, сменяли друг друга на работе. Овчинная хата представляла собой темную, сырую клетушку, которая топилась «начерно». Здесь – чаны для окраски овчины, шесты для просушки сырых шкурок. Температура – возможно высокая, чтобы шкурки сохли скорее, постоянный дым, – ведь изба курная. В таком помещении люди жили круглый год, в этой же хате обедали, спали и, только в страдную пору, на короткое время, расходились по своим деревням.

Мастера Холани работали всей семьёй – и женщины, и дети. Шили шубы, пальто, тулупы, полушубки, жакеты, саксай (шуба с большим воротником). На полушубки среднего размера уходило около 8 шкурок. В холанском шубном промысле трудно провести границу между скупщиком и кустарем, между эксплуататором и эксплуатируемым. Гораздо более верное представление дают местные названия — «хозяин» и «рабочий». Под хозяином понимались более или менее зажиточные кустари, которые, не переставая работать сами со своей семьей, не прочь были заняться, при случае, скупкой шуб у своих менее зажиточных односельчан.

Слобода Холань, без всякого постороннего вмешательства, создала крупный коллектив в своем промысле и виде Холанского сельского банка, средства которого всецело были направлены на помощь шубному промыслу. Имеется возможность проследить историю одного из самых крупных сельских кредитных учреждений: князь Трубецкой, отпуская на выкуп своих крестьян, вместо части надела, заплатил им 5000 рублей деньгами, кроме того, в Холани имелось около 5000 рублей общественного капитала. Эти 10000 рублей и послужили основанием для капитала банка. Капитал стали раздавать в ссуду кустарям, взимая небольшие проценты (первоначально 8, затем 6%). Нарастая из процентов, капитал банка дошел тогда до 53000 рублей. На рождественских праздниках все суммы банка раздавались в два или три дня кустарям. Высшая ссуда – 200 рублей, наименьшая – 50.

Брали ссуду почти все кустари. Пользуя деньги на нужды производства, осенью все уплачивали долги выбранному сходом лицу – заведующему банком, причем процент взыскивался со всех одинаковый. Затем собранная сумма, увеличенная процентами, снова раздавалась в заем, что давало возможность каждому бедному кустарю, хоть часть года работать на себя, а не на хозяина.

Пошитые шубы кустари сбывали не только на местных рынках, базарах и ярмарках, но и свозили в южные губернии (Полтаву, Елизаветград, Мариуполь), где более зажиточное население платило довольно дорого за верхнюю зимнюю одежду. Цены на шубы, как на товар крестьянский всецело, зависел от урожая на юге России. Если на юге урожай — покупательская способность населения увеличивалась, и шубы дорожали.

Мастера, при помощи мальчика или женщины в неделю шили по 4 шубы. Недельный заработок составлял 3 рубля. Если шубник сам доставлял шубы на рынок, то заработок увеличивался вдвое — до 6 рублей. К тому же, почти каждый шубник не бросал своего хозяйства, обрабатывал земельный надел.

В годы Первой мировой войны халанские шубники начали получать заказы от царского правительства. Тогда в слободе стали шить казёнки – безрукавные полушубки, которые русские солдаты надевали под шинели в холодное время года.

После революции работа шубников не прекращалась, но крупные собственники уехали, а их имущество (склады, сырьё, материалы для промысла) было национализировано, и в 1918 году в Большой Халани была организована трудовая овчинно-шубная артель «Труженик». Вообще Большая Халань – именно ремесленная слобода. Среди жителей – и хорошие кузнецы, и бондари, и столяры, и плотники. Но овчинно-шубный промысел остался главным.

Мастера–кустари Корочанского уезда принимали активное участие в работе Курской Коренской выставке сельскохозяйственной продукции,

впервые организованной в 1851 году на юге России, и собравшей участников из Курской, Черниговской, Киевской, Полтавской, Харьковской губерний. На первой выставке были представлены: холсты; сукно; войлоки; скатерть; колеса; телеги; дуги; сшитые платья; топоры; сапоги; выделывание меха; кушаки; полуботинки козловые; кожа; различные суконные изделия.